

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
В НЕКЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

**«ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ЗНАНИЕ»
КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В КЛАССИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

Ю.В. ПЕТРОВ

Специфика знания, к которому осуществляется личностное приобщение в классическом университете, состоит в его образовательном характере. Оно не является собой пассивный багаж, но, становясь его личностным приобретением, входя в него непосредственно, задаёт его образ, обогащает, активно трансформирует – образует – человека. Оно может рассматриваться и как знание-профессия, и как знание-образование. Естественные факультеты дают знания, необходимые для получения профессии без специальных акцентов на их гуманитарной, то есть образовательной, стороне. Что же касается гуманитарных факультетов, то они в своих ориентациях исходят из приоритетного значения такого знания, которое может быть названо образованием или «образовательным знанием». В применении к классическому университету в силу специфики его либеральной модели развития такое противопоставление, возможно, является относительным. Но заметное влияние современных прагматистских ориентаций в образовании создаёт потребность, необходимость и возможность особого разговора на обозначенную тему.

На культурологическом факультете тема знания и образования в последнее время получила особый резонанс. Считается, что выпускники не получают (и не должны получать) необходимых профессиональных знаний и выходят из университета только образованными людьми. Заметим, что речь идет лишь о специальности 020600 – «культурология»; что касается художников и музыкантов, то узкопрофессиональная подготовка их не вызывает сомнения. Учебные планы, которые реализуются на гуманитарных факультетах (философском, филологическом, историческом), ориентированы подобным же образом, то есть на образовательное знание. Но в модели прагматистского развития теоретические проблемы гуманитарных наук в силу их невозможной утилизации стали относиться к категории не востребованных. Социальный резонанс получает лишь знание, которое пригодно к непосредственному техническому, экономическому использованию. Что может быть в этих условиях целью и стратегической установкой гуманитарных факультетов?

В ответе на этот вопрос следует исходить из определения образования, которое, как *cultura animi*, будучи идеальным, духовным завершением человека, есть одновременно его образ жизни и его «поведение». Как образ жизни М. Шелер рассматривал образование категорией бытия, а не знания. Как бытие оно есть *микрокосм*, в котором мир в его сущностном виде и ценностях представлен в законченной композиции, в некоем реальном универсуме. Знание (как *extra mentem*), понимаемое онтологически, означает, что бытие возникает на пересечении вещей мира (*in re*) и разума (*in mente*), т.е. как предмет мысли. Сознание того, как человек приходит к вещам предметного мира и знанию о них, возможно только посредством рефлексии. Бытие есть совпадение мысли со своим объектом.

Образование следует понимать как процесс исторического становления человека. «Образование, – говорит М. Шелер, – это не «учебная подготовка к чему-то», к профессии, специальности, ко всякого рода производительности, и уж тем более образование существует не ради такой учебной подготовки. Наоборот, всякая учебная подготовка «к чему-то» существует для образования, лишенного всех внешних «целей», – для самого *благообразно* сформированного человека» [1, с. 31–32]. Такое понимание образования противоположно по содержанию понятию *профессии*, сформировавшемуся под влиянием протестантской идеи *профессии-призвания*. Образование – свободно, профессия предполагает аскетическое служение труду как призванию; цель образования – универсальный человек (*homo universale*), цель же профессии – закабаление человека схематизмом, односторонней специальностью (Э. Трёльч). Образовательное знание, безусловно, не снимает вопроса «зачем», не являет себя знанием ради знания (*l'art pour l'art.*), но оно незаметно, скромно, сдержанно, рефлексивно и точно знает свои возможности и границы. Человек, им обладающий, отличается тем, что осознаёт ситуации «знания незнания» – знает, что он *не* знает. «Знание незнания» – своего рода «образовательная роскошь», но и категорический императив образованного человека, ибо «бесполезность» знания, которым он обладает, на самом деле является основой, порождающей желание знать и обуславливающей возможность удовлетворения этого желания.

«Бесполезное» образовательное знание никогда не рассматривалось в качестве изъяна и недостатка в системе университетского образования. Оно есть знание «*спасительное*» (М. Шелер) в том смысле, что формирует человека, пробуждая в нем духовные смыслы и качества. «Образованным» является не тот, кто знает «много» о случайном так-бытии вещей (*Polymathia*), или тот, кто может в соответствии с законами в максимальной степени предвидеть процессы и управлять ими (первый есть «ученый», второй есть «исследователь»), – говорит Шелер, – образованным является тот, кто овладел структурой своей личности совокупностью выстроенных в единство одного стиля идеальных подвижных схем созерцания, мышления, толкования, оценки мира, обращения с ним и с какими бы то ни было случайными вещами в нем; схем, которые предзаданы всякому случайному опыту, которые единообразно перерабатывают его и включают в целостность личного «мира» [1, с. 45–46].

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелер М. Избранные произведения. М.: Гнозис, 1994. 490 с.